

УДК 30.2:303.447.35

DOI 10.25799/AR.2019.41.1.009

Античный институциональный инструментарий как способ организации социального пространства

Ветров Сергей Александрович

Доктор философских наук, доцент, профессор,
завкафедрой «Связи с общественностью, сервис и туризм»,
Омский государственный университет путей сообщения,
644046, Российская Федерация, Омск, просп. Маркса, 35;
e-mail: dekadnik@mail.ru

Росляков Алексей Евгеньевич

Кандидат психологических наук,
доцент кафедры «Связи с общественностью, сервис и туризм»,
Омский государственный университет путей сообщения,
644046, Российская Федерация, Омск, просп. Маркса, 35;
e-mail: dekadnik@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается инструментарий проектирования и организации социального пространства в контексте античных культур, которые принято относить к древней истории. Каждая цивилизация, формируя проективные методы, исходила из конкретной ценностной парадигмы, обеспечивающей максимальную мобилизацию всех ресурсов общества. Поскольку сознательного программирования в древности не существовало, проективная деятельность конкретного общества сводилась к «ответам» на вполне конкретные «вызовы» природы, окружения, внутренних разломов. И те общества, которые исключительно эмпирическим путем находили удачный «ответ», т.е. создавали адекватную политическую систему, поливариантную по своему мировоззренческому потенциалу культуру, успешную экономическую структуру и т.д., попадали в число лидеров. В работе использован сравнительный и аналитический методы исследования исторических и философских источников. В представленном материале выделены универсальные для социального проектирования институты, которые раскрываются через реализацию властных, правовых, религиозных и культурных функций: определены истоки культурных доминант, организационный потенциал эстетической парадигмы, проективный потенциал права.

Для цитирования в научных исследованиях

Ветров С.А., Росляков А.Е. Античный институциональный инструментарий как способ организации социального пространства // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 1А. С. 91-103.

Ключевые слова

Социальное проектирование, институциональный инструментарий, античное общество, социальное пространство, эстетика, детерминанта, римское право, культура, аполлонизм, дионисизм.

Введение

Ставя перед собой проблему проектирования вообще, и социального проектирования в частности мы вынуждены обратиться к истокам рефлексии окружающего мира. Современный способ проектирования ориентирован на сложившиеся методы, культурные архетипы, игнорирование которых неизбежно будет приводить к созданию нереализуемых проектов и моделей. Успешное, не сиюминутное, перспективное проектирование исходит из специфики социокультурного пространства, в котором оно осуществляется. Данная специфика сложилась в период, который принято относить к древней истории, когда происходило становление индивидуальных особенностей конкретных цивилизаций. В рамках этих цивилизаций, с одной стороны, решались общечеловеческие проблемы, с другой, каждая цивилизация, формируя проективные методы, исходила из конкретной ценностной парадигмы, обеспечивающей максимальную мобилизацию всех ресурсов общества. Каждая из состоявшихся в истории цивилизаций раскрывала в себе лишь часть целого, реализовала один из аспектов индивидуальности, именуемой человечеством.

Истоки культурных детерминант

В качестве особенностей социального проектирования для конкретных цивилизаций мы принимаем ряд детерминант. Древняя Греция детерминирована эстетикой; реализация Рима была определена правовым детерминизмом; ближневосточные цивилизации в египетском, вавилонском, иудейском воплощениях обусловлены религиозным детерминизмом; индийская цивилизация – кастово-религиозным детерминизмом; китайская цивилизация предопределена этическим детерминизмом. Перечисленные детерминанты по сей день являются фундаментом того или иного цивилизационного варианта социального проектирования.

Полагаем, что становление парадигмальных особенностей происходит в период, который К. Ясперс обозначил, как «осевое время». «Ось мировой истории, если она вообще существует, может быть обнаружена только эмпирически, как факт значимый для всех людей, в том числе и для христиан. Эту ось следует искать там, где возникли предпосылки, позволившие человеку стать таким, каков он есть, где с поразительной плодотворностью шло такое формирование человеческого бытия, которое независимо от определенного религиозного содержания, могло стать настолько убедительным – если не своей эмпирической неопровержимостью, то, во всяком случае, некоей эмпирической основой для Запада, для Азии, для всех людей вообще – что тем самым для всех народов были бы найдены общие рамки понимания их исторической значимости. Эту ось мировой истории – те духовные процессы, которые тогда шли – следует отнести, по-видимому, к периоду между приблизительно 500 лет до н.э. вглубь до периода 800-200 гг. до н.э. Тогда произошел самый резкий поворот в истории. Появился человек такого типа, какой сохраняется и по сей день.

В это время происходит много необычного. В Китае жили тогда Конфуций и Лао-цзы, возникли все направления китайской философии, мыслили Мо-цзы, Чжун-цзы, Лао-цзы и бесчисленное множество других. В Индии возникли Упанишады, жил Будда, в философии Индии, как и в Китае, были рассмотрены все возможные философские постижения действительности, вплоть до скептицизма, до материализма, софистики и нигилизма; в Иране Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со злом; в Палестине выступали пророки Илия,

Исайя, Иеремия и Второисайя; в Греции – это время Гомера, философов Парменида, Гераклита, Платона, трагиков, Фукидида и Архимеда. Все то, что связано с этими именами, возникло почти одновременно в течение немногих столетий в Китае, Индии и на Западе независимо друг от друга» [Ясперс, 1991, 32-33].

Современное понимание проектирования, программирования и планирования включают в себя четкие правила идентификации. Во-первых, они детально учитывают наличные ресурсы, во-вторых, цель проекта выводится не умозрительно, а складывается из нескольких этапов, каждому из которых соответствует собственный комплекс задач. Решение указанных задач неизбежно должны привести к намеченной цели. В-третьих, просчитываются возможные внешние влияния на деятельность, связанную с реализацией намеченного проекта. В-четвертых, определяются четкие сроки осуществления проекта. В-пятых, просчитываются вероятные последствия реализации задуманного, при чем и в областях смежных со сферой проекта. Исходя из всего этого, очевидно, что проектная деятельность сегодня имеет вид отрасли производства, чего в античных или феодальных обществах Китая, Индии, Греции, Персии по определению быть не могло.

И, тем не менее, протопроективная деятельность времен древности имела свою специфику. Особое значение имел инструментарий, который можно с определенностью обозначить как *институциональный*. Создание универсальных, годных к применению различными обществами, культурами тех или иных институтов раскрывали возможности для организационной деятельности. К подобным институтам можно отнести: властный (государственный), правовой, религиозный, хозяйственный, социокультурный. Институциональный инструментарий позволял его создателям организовать пространство, привлечь союзников, укреплять собственное лидирующее положение и одерживать победы над противниками.

Удачный институциональный инструментарий создавал творческое поле, становясь средством для совершенствования социально-политической и социально-экономической сфер деятельности. Институциональный инструментарий позволял его носителям освободить новые пространства мысли и деятельности. «Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций» [Данилевский, 2003, 95-96].

Древние общества соперничали и конфликтовали не только на полях сражений, но и активно конкурировали в пределах своих институтов. Успех армий закреплялся именно тогда, когда социальные институты завоевателей находили поддержку у покоренных. И наоборот, военная победа, без необходимых механизмов ее закрепления сводилась к нулю. В этом случае социальные институты не помогали решать насущные организационные, хозяйственные, духовные задачи, а напротив вносили дисгармонию в устоявшуюся систему ценностей и отношений. Когда же институты завоевателей оказывались наиболее передовыми, успешными, способными к преодолению внутренних кризисов покоренных военной силой обществ, то завоеванные становились не просто провинциалами великих империй, но подданными, которые включались в процесс превращения себя в органическую часть новой системы.

Неслучайно, говоря об институциональном инструментарии мы использовали слово «удачный». Поскольку сознательного программирования в древности не существовало, проективная деятельность конкретного общества сводилась к «ответам» на вполне конкретные «вызовы» (выражаясь языком А. Дж. Тойнби) природы, окружения, внутренних разломов. И те

общества, которые исключительно эмпирическим путем находили удачный «ответ», т.е. создавали адекватную политическую систему, поливариантную по своему мировоззренческому потенциалу культуру, успешную экономическую структуру и т.д., попадали в число лидеров. Их лидерство по большей части было результатом стечения обстоятельств, а не сознательного, нацеленного на перспективу, проектирования. «Государственная форма у каждой нации, у каждого общества своя; она главной основе неизменна, до гроба исторического, но меняется быстрее или медленнее в частностях, от начала до конца. Вырабатывается она не вдруг, не сознательно сначала; не вдруг понятна; она выясняется лишь хорошо в среднюю эпоху наибольшей сложности и высшего единства...» [Леонтьев, 2007, 245-246.] Однако нельзя отказывать древним в стремлении расширения своего влияния, и проведения последовательной политики, направленной на расширение собственного институционального влияния. Яркими примерами такой политики можно считать: эллинизацию, романизацию, китаизацию и некоторые другие. Эти примеры дали право современным исследователям проводить аналогии с событиями XX в. и вводить такие понятия, как римский империализм, китайский тоталитаризм. Схожесть, несомненно, присутствует.

Эллинизм – эстетическая организация социального пространства

В древний период греческое или римское общества формировались как индивидуальные целостные социумы. Впоследствии, все заложенные в их культуре и институтах потенции лишь разворачивались и реализовывались. Но то, что сегодня стало восприниматься в качестве ресурса, потенциала, методологии, которые можно использовать для социального моделирования, что приобрело все черты технологии, в древности было лишь возможностью, активно используемой, но ни в коем случае не рефлексивной. Институциональные инструментарии в лучшем случае воспринимались и осознавались в качестве средства идентификации и расширения ареала влияния и обитания.

Попытаемся проиллюстрировать функционирование институционального инструментария на конкретных примерах. Одним из них, со всей очевидностью, могут считаться эллинская эстетическая и римская правовая системы. Для нас не имеют значения нюансы воплощения, тем более что по этому поводу существует богатая научная литература. Нас же, прежде всего, привлекают проективные возможности, создаваемые в рамках указанных обществ.

Опираясь на многочисленные исследования античной истории, культуры, социальной организации, мы с полной определенностью можем обозначить парадигмальный фон проектирования, квалифицировав его как эстетический детерминизм. Сами античные мыслители не использовали термин «эстетика», однако широко употреблялись понятия и категории, которые следует относить к эстетическим. Данные категории рассматриваются как универсальные формы освоения Космоса. В частности, это относится к категориям «красота», «прекрасное».

«Красота» – это прекрасный человек, в котором гармонично соединяются все внешние и внутренние достоинства (Аристотель). «Прекрасное» – атрибут, характеризующий свободного гражданина, его достоинство, честь, имущество, свободу от унижающего труда (Аристотель). Любовь к прекрасному – это необходимая черта жизни полиса (Фукидид). Красота неотделима от пользы (Сократ). Красота – это соединение с добром (Платон) и т.д.

Преобладание чувственности и конкретности даже в самых идеальных и абстрактных образах предопределяет расцвет эстетической системы ценностей, ее полную реализацию.

Чувственную и эмоциональную наполненность антика унаследовала от мифологического состояния мысли и возвела в ранг высших ценностей, превратила их в предмет рационального анализа и целенаправленного осмысления, результатом которого и явилась разработка эталонов симметрии, геометрических законов, основ гармонии и гармонического развития образа человека. Человеческие отношения, как и геометрические структуры, были пропитаны гармонией и симметрией. Идеалом человека являлось достижение совершенства, что предполагало телесную и духовную гармонию и непременно осознавалось, постигалось чувственно, в высшей степени эмоционально. Само эмоциональное равновесие выступает как общий фон для любого учения античной философии. Внимание к совершенству форм и принципу простоты определяет предмет интереса к главному эстетическому понятию «красота» [Купарашвили, 2003, 37].

Сама античная философия не что иное как эстетика. Эстетика – это и необходимое начало для философии, и необходимое ее завершение. Характеризуя эту особенность античной философии, А.Ф. Лосев отмечает: «Дело в том, что если идея вещи – а это есть смысловая сущность вещи – и сама материальная вещь неразличны, то это значит, что во всякой вещи мы сразу и притом, часто материальным образом видим ее идею и ее материю, ее внутреннюю жизнь и ее внешнее проявление. Но такое единство сущности и явления есть выражение вещи, то есть как раз то, чем занимается эстетика» [Лосев, 1989, 183].

Эстетическая по содержанию античная философия сыграла огромную роль в создании проективного пространства, поскольку обладала мощным познавательным потенциалом, системностью и всеохватностью. Все это создавало широкие возможности для объяснения настоящего, а также позволяло эффективно преодолевать социальные и интеллектуальные кризисы, охватывающие античность в различные периоды. Философия древних греков обладала изумительным качеством, которое имеет большое значение для осуществления социального проектирования: она предложила понятийно-категориальный аппарат, позволяющий овладевать значительными пространствами и оформлять их. Тезис об уникальной способности к формообразованию античной философии вряд ли вызовет сомнения. Таким же потенциалом формообразования обладали античное искусство и религия.

Такие важные события, как кризис классического полиса, с его нравственностью и демократией, возникновение эллинистических империй, втягивание в античный мир варварской периферии и т.д. раскрыл новые стороны греческой рациональной мысли. Эталоны симметрии, основы телесной и духовной гармонии, эмоциональное равновесие, чувственность и т.д. лишь обрели новые качества, но отнюдь не были отвергнуты. Так, например, понятие гармонии не утрачивает своего значения, оно лишь несколько трансформируется. Условно это можно обозначить следующим образом. В классическую эпоху соответствие идеалу достижения гармонии возможно посредством полиса, через ценность нравственного целого, коллективной жизни. В эпоху эллинизма гармония и приближение к идеалу также необходимы и не утрачивают своего формообразующего значения, но начинают обходиться без полисной составляющей. Эллинистическая мысль, оставаясь эстетической, по сути, лишь изменила акценты. Стало признаваться доминирование духовной свободы отдельного человека, его моральной автономии, что нашло воплощение в философии стоицизма, эпикурейства, скептицизма.

Эту устойчивость античного дискурса сохраняет и проективное пространство. Особенно наглядно данные обстоятельства можно проиллюстрировать на примере искусства. Оно сохранило свое значение, подобно философии не утратило оформляющего значения, хотя

дегенерация полисных ценностей и освоение в процессе военной экспансии других культурных пространств наполнило искусство новыми темами и смыслами. Так наблюдается смешение художественных стилей, появление манерности, обогащение восточными мотивами, отход от политической тематики к частным заботам и т.д. Однако все эстетические формы не исчезли, они просто стали более изысканными.

Еще одним важным фактором, обеспечивающим существование эллинского проективного пространства, является фундаментальный конфликт, определяющий характер всей античной цивилизации: между стихией жизни и стремлением к упорядоченности, которое нашло свое выражение в эстетическом детерминизме. Данный конфликт придает направление мировоззренческим поискам, создает предпосылки для разработки социальных проектов, для расширения проективного пространства, через освоение потенциала соседних культур, для полноценной актуализации ресурсов наличного институционального инструментария.

Рефлексирующий конфликт для античности базируется на двух тенденциях: одна – эмоциональная, мистическая, потусторонняя; другая – эмпирическая, рационалистическая. Первая воплощалась в мистериях, орфических культах, вторая – в совершенном «пропорционально выверенном» искусстве, в науке. Первая тенденция ложится под понятие дионисийского начала, вторая – аполлонического. В этих тенденциях в полной мере раскрывается эстетический детерминизм античности. «С двумя божествами искусств, Аполлоном и Дионисом, связано наше знание о той огромной противоположности в происхождении и целях, которую мы встречаем в греческом мире между искусством пластических образов – аполлоническим – и непластическим искусством музыки – искусством Диониса; это два столь различных стремления действуют рядом одно с другим, чаще всего в открытом раздоре между собой и взаимно побуждая друг друга ко все новым и более мощным порождениям, дабы в них увековечить борьбу названных противоположностей ...» [Ницше, 1990, 59].

Сосуществование и конфликт указанных тенденций ни в коем случае не ослаблял античную цивилизацию, напротив, открывал значительные интеллектуальные, творческие возможности. Образованные греки, стремящиеся к гармонии, цельности и скульптурности, симметрии, логике, в своих творениях и рассуждениях, отнюдь не утрачивали усвоенный с детства опыт восприятия мистических представлений и оргиастических практик, полученный от матерей, под влиянием которых находились до совершеннолетия, до вхождения в мужской мир гражданских обязанностей. Наряду с рациональным отношением к миру, вполне свободно существовали и распространялись, благодаря культу Диониса, в частности, представления об экстатических практиках. Экстаз становился подтверждением того, «что душа представляет собой нечто большее, ничтожный двойник «я», и что только «вне тела» душа может проявить свою истинную природу...» [Рассел, 1994, 38].

Мистические практики осуществления орфическими общинами раскрывали возможности для включения в сферу своего проективного пространства неэллинских проективных пространств. Признание Откровения как источника религиозного авторитета и создание орфических организаций, в которых посредством оргии, несмотря на различия расы и пола, можно было приобщиться к сакральному, готовили почву для восприятия ценностей греческой культуры. Кстати, «оргия» первоначально у орфиков имела значение «причастия». Не случайно орфические культы широко распространялись в Средиземноморье. Они оказывали влияние и на философию, и на научные системы. Например, математика Пифагора была тесно связана с особой формой мистицизма. Все системы, на которые повлиял Пифагор, стремились к

потусторонности, «Они относят все ценности к невидимому единству в Боге и проклинаят видимый мир как ложный и иллюзорный» [там же, 47].

Античный мистицизм проникал в сферу бессознательного эллинистских проективных пространств, делал аборигенный мистицизм своим. Можно сказать, что «дионисизм» рационализировал магические обряды и религиозные культы разных народов. Судя по всему, именно поэтому в период создания эллинских царств, греки без труда выстраивали коммуникации с наличными религиозными концепциями и пантеонами богов, делали восприимчивыми греков к восточной астрономии, чему способствовал фатализм мировосприятия эллинов. Так, вооружившись астрологическим инструментарием, эллин не только готовился к приятию судьбы, что было для него привычным, но стал стремиться к ее предсказанию.

Однако анализировать проективный потенциал античного мировоззрения, абсолютизируя «дионисийское начало», было бы не верно. Именно эстетическое совершенство, рационалистический потенциал философских систем, логика предоставляли интеллектуальный инструментарий эллинизируемым обществам.

Аполлоническое начало греческой культуры представляло собой прекрасно разработанные методы внесения порядка и меры в жизненную стихию, эстетизации вакхического порыва, творческой страсти, экстаза. Жизнь во всем противоречии не отрицалась, но предлагались ясные точки отсчета, логически выверенная система политических координат, философских категорий, художественных принципов, эстетически выверенных форм. «Аполлон тем и хочет привести отдельные существа к покою, что отграничивает их друг от друга, и тем, что он постоянно все снова и снова напоминает об этих границах как о священных мировых законах своими требованиями самосознания и меры. Но дабы при этой аполлонической тенденции форма не застыла в египетской окаменелости и холодности, дабы в стараниях предписать каждой отдельной волне ее путь и пределы не заперло движение всего озера, прилив дионисизма время от времени снова разрушал все эти маленькие круги, в которые односторонне аполлоническая «воля» стремилась замкнуть эллинский мир» [Ницше, 1990, 92-93].

Созданный античной культурой понятийный и институциональный инструментарий оказался настолько удачным, что активно использовался значительной частью цивилизованного мира. Необходимость определения меры, индивидуации, границ справедливости, законов бытия неизбежно подталкивали стремящихся к этому к эллинистической методологии упорядочивания и гармонизации. Так, например, предлагая социально-политические проекты, мыслители древнего мира не могли не использовать разработанную Аристотелем классификацию форм правления и предложенную Платоном идею создания совершенного общества, концепцию «золотой середины» (опора на средний класс) и технологию социально-политического упорядочивания через последовательное соблюдение правовых и нравственных норм. Греческая социально-политическая мысль в полной мере обосновывала возможность и приемлемость существования самых разных способов управления обществом: демократического, аристократического, монархического. Потому государственный деятель с любыми политическими предпочтениями находил для своей практики необходимые теоретические оправдания.

Античная наука предложила совершенную для своего времени научную картину мира, которая сохраняла свое значение вплоть до эпохи Возрождения: представления физиков о первоначалах мира, Птолемеявская астрономия, история Геродота, география Гекатея

Милетского и Евдокса Книдского, геометрия Евклида и т.д. Все интеллектуальные поиски осуществлялись в рамках предложенных теорий, гипотез. Сама технология построения научных классификаций, можно сказать, превращается в методологию «аполлонического упорядочивания».

Данное упорядочивание не оставляло без внимания ни одну сферу человеческого бытия. Подобная деятельность, в частности, коснулась и религиозных настроений, и практик. Получивший широкое распространение взгляд на греческих богов стал также результатом эстетически детерминированных усилий. Гомер и Гесиод, каждый в свое время, осуществили поэтическую систематизацию Олимпийского пантеона. Конечно, наличие этого пантеона никак не повлияло на народные религиозные представления греческих племен, но стало важнейшим фактором, обеспечивающим существование официальных культов, выполняющих в определенной мере идеологическую функцию. Поклонение тому или иному официальному Олимпийскому покровителю с одной стороны обеспечивало полисную идентичность, а с другой – весь пантеон способствовал укреплению представлений об эллинском мире в целом. Олимп наполнил персонами всегреческую литературу, драматургию, скульптуру, стал фактором идентичности, как греков, так и для эллинизируемого пространства. Так, Филипп и Александр Македонские обосновывали свое царское происхождение «родственными связями» с олимпийцами. А такие всегреческие сакральные центры, как святилища в Олимпии и Дельфах, обрели значение для всего эллинского мира и могли брать на себя функции посредничества.

Интеллектуальные усилия, направленные на создание Олимпийского пантеона оказались настолько удачными, что были восприняты и другими обществами, в частности, Римом, который в полной мере освоил греческое проективное пространство и поставил его себе на службу, осуществляя имперское строительство, правда, используя собственный институциональный инструментарий. Римские боги успешно грецизировались, хотя римляне и сохранили свои взгляды и не стали создавать подобно греческому Олимпу своего пантеона. Их религиозные построения служили задаче построения средиземноморской державы. Древние греки не признавали границ. «для античного мышления существует только один-единственный предел всякого становления – звездное небо и вообще зримый физическими глазами чувственно-материальный космос» [Лосев, 1991].

Рим. Институциональные основы романизации

Характеризуя институциональный инструментарий древнего Рима, нам следует исходить из правового детерминизма данного общества. Именно римское право сыграло ту же организационно-упорядочивающую роль, что и эллинская эстетика в греческой культуре.

Римское право сформировалось в ранний республиканский период. Известная нам история начинается с фиксации в V в. до н.э. правовых норм в знаменитых Законах двенадцати таблиц. Огромное значение в правовой истории Рима сыграла сложившаяся практика комментирования законов, осуществляемая сначала коллегией понтификов, а с III в. до н.э. – профессиональными юристами.

Римское право V–III вв. до н.э. еще сохраняло пережитки родового строя, но в нем уже сформировались принципы, которые позволили разработать право частной собственности, абстрактное право, частное право, право абстрактной личности. Все это позволило римлянам создать универсальный институциональный инструментарий, который дал им возможность в полном, для своего времени, объеме реагировать на брошенные временем «вызовы». Данный

инструментарий оказался настолько удачным и обладал таким мощным организационно-правовым потенциалом, что постепенно стал втягивать в орбиту своего влияния неримские общества. Универсальные принципы римского права гибко реагировали на изменения в хозяйственной и политической жизни современников, создавали возможности для расширения участия политически активных слоев населения. Созданная им универсальная терминология, обретшая абстрактное значение, позволила рационализировать развивающиеся частнособственнические отношения, рост денежного и имущественного оборота, развитие форм частно-государственных финансовых спекуляций и участия своими капиталами граждан в данных процессах. Римское право (конечно не без политической борьбы) открывало возможности не римлянам участвовать в активной хозяйственной жизни, оно создавало универсальные правила игры, превращающиеся в универсальный институт создания Римской империи.

Помимо правовых норм, римское право предполагало совершенный для своего времени механизм судопроизводства. Прежде всего – это коллегиальность, появление суда присяжных, ранняя форма которого была характерна для всей организационной системы Рима. Коллегиальность магистратур открывала большие возможности для активного и результативного участия различных социально мобильных слоев в политико-правовой жизни. Кроме того, данный механизм открывал значительные возможности для создания устойчивых каналов политической активности.

Примечательно, что даже римские «революции» и гражданские войны периода деятельности Гракхов (20 гг. II в. до н.э.), до установления принципата Августа Октавиана (30-20 гг. I в. до н.э.), разворачивались в поле римского права, настолько велики были его организационно-упорядочивающие возможности. Политическая борьба оптиматов и популяров, суланская диктатура, заговоры Кателины, цезаризм, союзническая война и т.д. превращали право в институт решения политических проблем. Воля диктаторов, борьба политических партий с необходимостью облекались в формы законопроектов. Знаменитые хлебные раздачи городскому плебсу, распределение земельных участков, проскрипции были возможны лишь после принятия соответствующих законов, организующих указанные процессы.

Безусловно, не стоит идеализировать политическую борьбу римлян. Она сопровождалась грубым давлением на магистратов, политическими убийствами, вооруженными столкновениями клиентов политических оппонентов, нарушением римской республиканской конституции. Однако универсальное значение правового инструментария приводило к тому, что именно право и механизм судопроизводства становились средством введения бурного, революционного потока в русло умеренности и порядка. Так на требования Помпея «мемертинцы не пожелали явиться к его судейскому креслу и признать его власть, ссылаясь на то, что были освобождены от нее старинным римским законом» [Плутарх, 1991, 193]. Столетие гражданских войн привело к принципату Августина, который стабилизировал государство, проводя политику реставрации республиканских норм. Даже установившаяся императорская власть, в целом сохраняла республиканские учреждения и право, которые показали свою организаторскую состоятельность и эффективность. Таким образом, империя в Риме не отменила республику с ее нормами и учреждениями, а, как бы, дополнила ее. Имперские учреждения могли только накладываться поверх республиканских, они их скорее придавили, чем уничтожили. Тиберий, будучи императором, считал необходимым все политические вопросы согласовывать с сенатом, а решения подтверждать законом. «Не было такого дела,

малого и большого, государственного или частного, о котором бы он не доложил сенату: о налогах и монополиях, о постройке и починке зданий, даже о наборе и роспуске воинов..., даже о том, что и как отвечать царям на их послания» [Гай Светоний Транквилл, 1990]. Еще несколько столетий римское право играло роль универсализатора всего пространства Римской империи.

Универсальное значение приобретает статус римского гражданина, обладающего полной правоспособностью. Обладание гражданством становилось желанным призом для подданных римского государства. Институт гражданства, как составная часть римского правового института, активно использовалась политиками для увеличения мобилизационного ресурса и для создания универсального государства. Гражданство в полном объеме может быть обозначено как проектный ресурс римского общества. Полная правоспособность характеризовалась следующими чертами: права брака, т.е. право вступить в квинтитский брак, сопровождавшийся определенными юридическими последствиями (отеческая власть, право детей на наследство отца семейства и пр.); полная имущественная правоспособность с правом обращаться в римский суд для защиты своих материальных интересов; право участия в народном собрании; право выдвигать свою кандидатуру на магистратуру. Можно сказать, что борьба между патрициями и плебеями сформировала направление политической борьбы для разных народов, постепенно втягивающихся в орбиту влияния Рима.

Использование инструмента полной правоспособности позволяло римлянам иерархизировать подчиненные территории и придавало политической борьбе покоренных народов совершенно неожиданное для своего времени направление. Покоренные, подчиненные, оказавшиеся под влиянием Рима, начинали бороться не за независимость, а за равный с ним статус. Так, покоренные италики жили самостоятельной, обособленной жизнью, а с Римом находились в договорных отношениях. Было создана своеобразная федерация. Одним городам и племенам было даровано право римского государства. Такие города назывались муниципиями. Муниципии сохраняли автономию в разрешении вопросов внутренней жизни. Некоторые из них пользовались полными правами, другие не имели политических прав – граждане их не могли принимать участие в римских комициях, у них было «гражданство без права голосования». Ниже городов, получивших римское гражданство, стояли города, имевшие латинское гражданство. Третью категорию составляли союзники. К ним принадлежало большинство. Условия союзных договоров так же были неодинаковыми. Общим было то, что все союзные города лишались права вести самостоятельную внешнюю политику и обязаны были выставлять войска. Особую категорию городов составляли колонии... Это были военно-земледельческие поселения, основанные во вновь завоеванных областях. Колонии обладали автономией вплоть до чеканки монет и имели городское устройство, напоминавшее римское» [Машкин, 1950, 156-157].

Подобная организация толкала членов федерации к борьбе за права, а не за независимость. Так, следующими, претендующими на полную правоспособность после плебеев, были представители латинского союза. Латинская знать составила заговор и предъявила требования: один из двух римских консулов должен быть латин, половину сената также должны составить латины. В результате началась Латинская война (340-338 гг. до н.э.). Рим одержал победу. Однако, как и в дальнейшем, противник был не уничтожен и не подавлен, а встроен в новую иерархию отношений, которая толкала к дальнейшей борьбе за права. Стремление же к независимости оставалось вне политических предпочтений.

«После Латинской войны ближайшие к Риму города вошли в его состав, и жители их были признаны равноправными с римлянами, обитатели же других латинских общин были уравнены

с римлянами в отношении гражданских прав (они получили право вести торговлю и приобретать собственность, а некоторые и права заключать браки с римскими гражданами), но им не дано было право голоса в народном собрании. Было, кроме того, сохранено прежнее правило, что латины, переселившиеся в Рим и прошедшие ценз, становились римскими гражданами. Так было положено начало латинскому государству» [там же, 139].

Еще одним ярким примером более полного вовлечения в римскую сферу италийских городов стала союзническая война (90-88 гг. до н.э.). Требования марсов, самнитов, сабельских народностей сводились к требованию римского гражданства. Союзнический вопрос поднимался и римскими политиками, такими как Фульвий Флакк, Гай Гракх, Марк Ливий Друз. Интересно, что, создавая новую государственную организацию, италики использовали принципы римской конституции. Они подобно римскому управлению создали сенат, делами управляли два консула, двенадцать преторов. В результате войны почти все свободное население Италии получило римское гражданство, и опять же, как и в Латинскую войну, римляне это сделали после нанесения военного поражения союзникам. Созданию римского проективного пространства способствовало формирование права народов. «В отличие от гражданского права, которое распространялось меньше на римских граждан-квиритов..., право народов регулировало отношения между поселившимися в Риме иностранцами-палестинами, между ними и квиритами, а также и между квиритами... Право народов складывалось из правовых норм разных народностей, эдиктов магистратов, обладавших правом юрисдикции в отношении палестинцев, а также императорских конституций и противоречий деятельности юристов» [Нерсесянц, 1985, 303].

Впоследствии римские политики активно использовали предоставление римского гражданства для решения своих политических задач, одновременно укрепляя римскую державу. Так, Цезарь, для укрепления своего влияния способствовал передаче гражданства общинам цизальпинской Галлии, ряду городов Испании, Сицилии, Африки. Подобная политика нашла свое логическое завершение в эдикте Каракалы 212 года, даровавшем права римских граждан всему свободному населению Римской империи. Конечно, к этому времени гражданство не имело прежнего значения, но этот акт де юре подтвердил создание единого римского мира, просуществовавшего еще полтора столетия.

Заключение

Как иллюстрирует вышеизложенный материал, и эллинистический мир и Римская империя возникли не только благодаря блестящим военным победам известных полководцев, но и во многом, по причине полноценной реализации проективного потенциала эстетической парадигмы древних греков и правовой парадигмы римлян. Говорить о создании осознанного политического, и тем более экономического программирования, планирования и прогнозирования в античную эпоху, лишено смысла. В этот период развития человеческой истории программирования, как вида деятельности нет, прогнозирование осуществляется интуитивно, а планирование – бессознательно. Однако это вовсе не означает принижение роли обществ, создавших великие жизнеспособные политические системы, развитую для своего времени экономику, искусство, многие образцы которого до сих пор остаются непревзойденными. Речь идет только о том, что данные виды деятельности не были специфицированы. Умение заниматься проективным мыслетворчеством в политической, экономической и социальной областях в эту эпоху имело свои особенности.

Библиография

1. Гай Светоний Транквилл. Жизнь 12 цезарей. М.: Худлит, 1990. 255 с.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Эксмо, Алгоритм, 2003. С. 95-96.
3. Купарашвили М.Д. Сумма трансценденталий. Часть 2. Москва-Омск, 2003. 320 с.
4. Леонтьев К.Н. Византия и славянство. М.: Хранитель, 2007. 132 с.
5. Лосев А.Ф. Дерзание духа. М., 1989. 366 с.
6. Лосев А.Ф. Типы античного мышления // Философия, мифология, культура. М.: Политиздат, 1991. 525 с.
7. Машкин Н.К. История древнего Рима. М., 1950. 612 с.
8. Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений. Древний мир. М.: Наука, 1985. 944 с.
9. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. М., 1990. 223 с.
10. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Новосибирск, 1991. 384 с.
11. Рассел Б. История западной философии. М., 1994. Т.1. 992 с.
12. Ясперс К. Смысл и постижение истории. М., 1991. 527 с.

Antique institutional tools as a way of organizing social space

Sergei A. Vetrov

Doctor of Philosophy, Docent, Professor,
Head of the Department of Public Relations, Service and Tourism,
Omsk State Transport University,
644046, 35, Marksa av., Omsk, Russian Federation;
e-mail: dekadnik@mail.ru

Aleksei E. Roslyakov

PhD in Psychology,
Associate Professor at the Department of Public Relations, Service and Tourism,
Omsk State Transport University,
644046, 35, Marksa av., Omsk, Russian Federation;
e-mail: dekadnik@mail.ru

Abstract

The article discusses the tools for designing and organizing social space in the context of ancient cultures, which are commonly attributed to ancient history. Each civilization, forming projective methods, proceeded from a specific value paradigm, ensuring maximum mobilization of all the resources of society. Since there was no conscious programming in antiquity, the projective activity of a particular society was reduced to “answers” to quite specific “challenges” of nature, environment, and internal faults. And those societies that have found a successful answer exclusively, empirically, i.e. they created an adequate political system, a multivariate culture in their worldview potential, a successful economic structure, etc., were among the leaders. The paper uses comparative and analytical methods for the study of historical and philosophical sources. The presented material highlights the institutions universal for social design, which are revealed through the implementation of power, legal, religious and cultural functions: the sources of cultural dominants, the organizational potential of the aesthetic paradigm, the projective potential of law are defined. As the above material illustrates, the Hellenistic world and the Roman Empire arose not

only due to the brilliant military victories of famous generals, but also largely due to the full realization of the projective potential of the aesthetic paradigm of the ancient Greeks and the legal paradigm of the Romans. Talking about creating a conscious political, and even more so economic programming, planning and forecasting in ancient times, is meaningless.

For citation

Vetrov S.A., Roslyakov A.E. (2019) Antichnyi institutsional'nyi instrumentarii kak sposob organizatsii sotsial'nogo prostranstva [Antique institutional tools as a way of organizing social space]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (1A), pp. 91-103.

Keywords

Social engineering, institutional tools, ancient society, social space, aesthetics, determinants, Roman law, culture, Apollonism, Dionysism.

References

1. Danilevskii N.Ya. (2003) *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: Eksmo, Algoritm Publ.
2. Guy Suetonius Tranquill (1990) *Zhizn' 12 tsezarei* [The life of 12 Caesars.]. Moscow: Khudlit Publ.
3. Jaspers K. (1991) *Smysl i postizhenie istorii* [Meaning and comprehension of history]. Moscow.
4. Kugarashvili M.D. (2003) *Summa transtsendentalii. Chast' 2* [The number of transcendentals. Part 2]. Moskva-Omsk.
5. Leont'ev K.N. (2007) *Vizantiya i slavyanstvo* [Byzantium and Slavism]. Moscow: Khranitel' Publ.
6. Losev A.F. (1989) *Derzanie dukha* [Daring spirit]. Moscow.
7. Losev A.F. (1991) Tipy antichnogo myshleniya [Types of ancient thinking]. In: *Filosofiya, mifologiya, kul'tura* [Philosophy, mythology, culture]. Moscow: Politizdat Publ.
8. Mashkin N.K. (1950) *Istoriya drevnego Rima* [The history of ancient Rome]. Moscow.
9. Nersesyants V.S. (1985) *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii. Drevnii mir* [History of political and legal doctrines. Ancient world]. Moscow: Nauka Publ.
10. Nietzsche F. (1990) *Rozhdenie tragedii iz dukha muzyki* [The birth of the tragedy of the spirit of music]. Moscow.
11. Plutarch (1991) *Sravnitel'nye zhizneopisaniya* [Comparative biographies]. Novosibirsk.
12. Russell B. (1994) *Istoriya zapadnoi filosofii* [History of Western Philosophy]. Moscow. Vol 1.